

СИНИЧКИН КАЛЕНДАРЬ

Январь

Зинька была молодая Синичка, и своего гнезда у нее не было. Целый день она перелетала с места на место, прыгала по заборам, по ветвям, по крышам, — синицы народ бойкий. А к вечеру присмотрит себе пустое дупло или щелку какую под крышей, забьётся туда, распушит попышней свои перышки, — кое-как и переспит ночку.

Но раз — среди зимы — посчастливилось ей найти свободное воробьиное гнездо. Помешалось оно над окном за оконницей. Внутри была целая перина мягкого пуха.

И в первый раз, как вылетела из родного гнезда, Зинька заснула в тепле и покое.

Вдруг ночью ее разбудил сильный шум. Шумели в доме, из окна бил яркий свет. Синичка испугалась, выскочила из гнезда и, уцепившись коготками за раму, заглянула в окно.

Там, в комнате, стояла большая — под самый потолок — елка, вся в огнях и в снегу, и в игрушках. Вокруг нее прыгали и кричали дети.

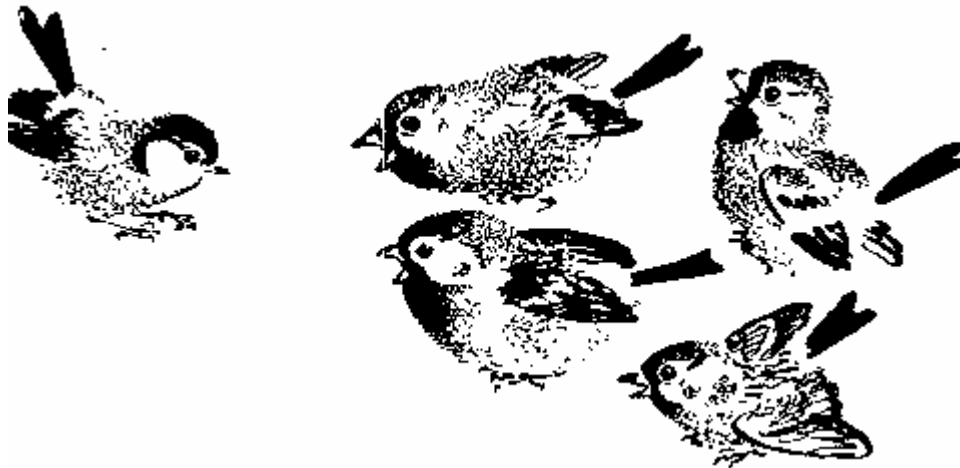
Зинька никогда раньше не видела, чтобы люди так вели себя по ночам. Ведь она родилась только прошлым летом и многого ещё на свете не знала.

Заснула она далеко за полночь, когда люди в доме, наконец, успокоились и в окне погас свет.

А утром Зиньку разбудил веселый, громкий крик воробьев. Она вылетела из гнезда и спросила их:

— Вы что, воробьи, раскричались? И люди сегодня всю ночь шумели, спать не давали. Что такое случилось?

— Как? — удивились воробьи. — Разве ты не знаешь, какой сегодня день? Ведь сегодня Новый год, вот все и радуются — и люди и мы.

— Как это — Новый год? — не поняла Синичка.

— Ах ты, желторотая! — зачирикали воробьи. — Да ведь это самый большой праздник в году! Солнце возвращается к нам и начинает свой календарь. Сегодня первый день января.

— А что это — «январь», «календарь»?

— Фу, какая ты ещё маленькая, — возмутились воробьи. — Календарь — это расписание работы солнышка на весь год. Год состоит из месяцев, и январь — его первый месяц, носик года. За ним идут ещё десять месяцев — столько, сколько у тебя пальцев на лапках: февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь. А самый последний месяц, двенадцатый, хвостик года — декабрь. Запомнила?

— Не-ет, — сказала Синичка. — Где же сразу столько запомнить! «Носик», «десять пальцев» и «хвостик» запомнила. А называются они все уж больно мудрено.

— Слушай меня, — сказал тогда Старый Воробей. — Ты летай себе по садам, полям и лесам, летай да присматривайся, что кругом делается. А как услышишь, что месяц кончаемся, прилетай ко мне. Я тут живу, на этом доме под крышей. Я буду тебе говорить, как каждый месяц называется. Ты все их по очереди и запомнишь.

— Вот спасибо! — обрадовалась Зинька. — Непременно буду прилетать к тебе каждый месяц. До свиданья!

И она полетела, — и летала целых тридцать дней, а на тридцать первый вернулась и рассказала Старому Воробью всё, что заметила. И Старый Воробей сказал ей:

— Ну вот, запомни: январь — первый месяц года — начинается с весёлой ёлки у ребят. Солнце с каждым днём понемножечку начинает вставать раньше и ложиться позже. Свету день ото дня прибывает, а мороз всё крепчает. Небо всё в тучах. А когда проглянет солнышко, тебе, Синичке, хочется петь. И ты тихонько пробуешь голос: «Зинь-зинь-тю! Зинь-зинь-тю!»

Февраль

Опять выглянуло солнышко, да такое веселое, яркое! Оно даже пригрело немножко, с крыш повисли сосульки, и по ним заструилась вода.

«Вот и весна начинается», — решила Зинька. Обрадовалась и запела звонко:

— Зинь — зинь-тан! Зинь-зинь-тан! Скинь кафтан!

— Рано, пташечка, запела, — сказал ей Старый Воробей. — Смотри ещё сколько морозу будет. Ещё наплачемся.

— Ну да! — не поверила Синичка. — Полечу-ка нынче в лес, узнаю, какие там новости.

И полетела.

В лесу ей очень понравилось: такое множество деревьев! Ничего, что все ветки залеплены снегом, а на широких лапах ёлок навалены целые сугробики. Это даже очень красиво. А прыгнешь на ветку — снег так и сыплется и сверкает разноцветными искрами.

Зинька прыгала по веткам, стряхивала с них снег и осматривала кору. Глазок у неё острый, бойкий — ни одной трещинки не пропустит. Зинька тюк острым носиком в трещину, раздолбит дырочку пошире — и тащит из-под коры какого-нибудь насекомыша-букарашку.

Много насекомышей набивается на зиму под кору — от холода. Вытащит и съест. Так кормится. А сама примечает, что кругом.

Смотрит: Лесная Мышь из-под снега выскочила. Дрожит, вся взъерошилась.

— Ты чего? — Зинька спрашивает.

— Фу, напугалась! — говорит Лесная Мышь.

Отдышалась и рассказывает:

— Бегала я в куче хвороста под снегом, да вдруг и провалилась в глубокую яму. А это, оказывается, медведицына берлога. Лежит в ней Медведица, и два махоньких новорождённых медвежонка у неё. Хорошо, что они крепко спали, меня не заметили.

Полетела Зинька дальше в лес. Дятла встретила, красношапочника. Подружилась с ним. Он своим крепким гранёным носом большие куски коры ломает, жирных личинок достаёт. Синичке за ним тоже кое-что перепадает. Летает Зинька за Дятлом, весёлым колокольчиком звенит по лесу:

— Каждый день всё светлей, веселей, веселей!

Вдруг зашипело вокруг, побежала по лесу позёмка, загудел лес, и стало в нём темно, как вечером. Откуда ни возьмись, налетел ветер, деревья закачались, полетели сугробики с еловых лап, снег посыпал, завился — началась пурга. Зинька присмирела, сжалась в комочек, а ветер так и рвёт её с ветки, перья ерошит и леденит под ними тельце.

Хорошо, что Дятел пустил её в своё запасное дупло, а то пропала бы Синичка.

День и ночь бушевала пурга, а когда улеглась и Зинька выглянула из дупла, она не узнала леса: так он весь был залеплен снегом. Голодные волки промелькнули между деревьями, увязая по брюхо в рыхлом снегу. Внизу под деревьями валялись обломанные ветром сучья, чёрные, с содранной корой.

Зинька слетела на один из них — поискать под корой насекомышей.

Вдруг из-под снега — зверь! Выпрыгнул и сел. Сам весь белый, уши с чёрными точками держит торчком. Сидит столбиком, глаза на Зиньку выпучил.

У Зиньки от страха и крылышки отнялись.

— Ты кто? — пискнула.

— Я беляк. Заяц я. А ты кто?

— Ах, заяц! — обрадовалась Зинька. — Тогда я тебя не боюсь. Я Синичка.

Она хоть раньше зайцев в глаза не видала, но слышала, что они птиц не едят и сами всех боятся.

— Ты тут и живёшь, на земле? — спросила Зинька.

— Тут и живу.

— Да ведь тебя тут совсем занесёт снегом!

— А я и рад. Пурга все следы замела и меня занесла, — вот волки рядом пробежали, а меня и не нашли.

Подружилась Зинька и с Зайцем.

Так и прожила в лесу целый месяц, и всё было: то снег, то пурга, а то и солнышко выглянет, — денёк простоит погожий, но всё равно холодно.

Прилетела к Старому Воробью, рассказала ему всё, что заметила, он и говорит:

— Запоминай: вьюги да метели под февраль полетели. В феврале лютуют волки, а у Медведицы в берлоге медвежатки родятся. Солнышко веселей светит и дольше, а морозы ещё крепкие. А теперь лети в поле.

Март

Полетела Зинька в поле.

Синичке ведь где хочешь жить можно: были бы хоть кустики, а а уж она себя прокормит.

В поле, в кустах, жили серые куропатки — красивые такие полевые курочки с шоколадной подковкой на груди. Целая стая их тут жила, зёрна из-под снега выкапывала.

— А где же тут спать? — спросила у них Зинька.

— А ты делай, как мы, — говорят куропатки. — Вот гляди.

Поднялись все на крылья, разлетелись пошибче — да бух с разлёту в снег!

Снег сыпучий, — обсыпался и прикрыл их. И сверху их никто не увидит, и тепло им там, на земле, под снегом.

«Ну нет, — думает Зинька, — синички так не умеют. Поищу себе получше ночлега».

Нашла в кустах кем-то брошенную плетёную корзиночку, забралась в неё, да и заснула там.

И хорошо, что так сделала.

День-то простоял солнечный. Снег наверху подтаял, рыхлый стал, а ночью мороз ударил.

Утром проснулась Зинька, глядит, — где же куропатки? Нигде их не видно. А там, где они вечером в снег нырнули, паст блестит — ледяная корка.

Поняла Зинька, в какую беду попали куропатки: сидят теперь, как в тюрьме, под ледяной крышей, и выйти не могут. Пропадут там под ней все до одной! Что тут делать? Да ведь синички — боевой народ.

Зинька слетела на наст — и давай долбить его крепким своим, острым носиком. И продолбила, — большую дырку сделала. И выпустила куропаток из тюрьмы.

Вот уж они её хвалили, благодарили!

Натаסקали ей зёрен, семечек разных.

— Живи с нами, никуда не улетай!

Она и жила. А солнце день ото дня ярче, день ото дня жарче. Тает, тает в поле снег. И уж так его мало осталось, что больше не ночевать в нём куропаткам: мелок стал. Перебрались куропатки в кустарник спать. Под Зинькиной корзинкой.

И вот, наконец, в поле на пригорках показалась земля. И как же все ей обрадовались!

Тут не прошло и трёх дней — откуда ни возьмись, уж сидят на проталинах чёрные, с белыми носами грачи.

— Здравствуйте! С прибытием!

Ходят важные, тугим пером поблёскивают, носами землю ковыряют: червяков да личинок из неё потаскивают.

А скоро за ними и жаворонки и скворцы прилетели, песнями залились.

Зинька с радости звенит-захлёбывается:

— Зинь-зинь-на! Зинь-зинь-на! К нам весна! К нам весна! К нам весна!

Так с этой песенкой и прилетела к Старому Воробью. И он ей сказал:

— Да. Это месяц март. Прилетели грачи, — значит, правда весна началась. Весна начинается в поле. Теперь лети на реку.

Апрель

Полетела Зинька на реку.

Летит над полем, летит над лугом, слышит: всюду ручьи поют. Поют ручьи, бегут ручьи — все к реке собираются.

Прилетела на реку, а река страшная: лёд на ней посинел, у берегов вода выступает. Видит Зинька: что ни день, то больше ручьёв бежит к реке.

Проберётся ручей по овражку незаметно под снегом и с берега — прыг! — в реку. И скоро многое множество ручьёв, ручейков и ручьишек набилось в реку — под лёд попрятались.

Тут прилетела тоненькая чёрно-белая птичка, бегаёт по берегу, длинным хвостиком покачивает, пищит:

— Пи-лик! Пи-лик!

— Ты что пищишь? — спрашивает Зинька. — Что хвостиком размахиваешь?

— Пи-лик! — отвечает тоненькая птичка. — Разве ты не знаешь, как меня зовут? Ледоломка. Вот сейчас раскачаю хвост да как тресну им по льду, так лёд и лопнет, и река пойдёт.

— Ну да! — не поверила Зинька. — Хвастаешь.

— Ах, так! — говорит тоненькая птичка. — Пи-лик!

И давай ещё пуще хвостик раскачивать.

Тут вдруг как бухнет где-то вверху по реке, будто из пушки! Ледоломка порх — и с перепугу так крылышками замахала, что в одну минуту из глаз пропала.

И видит Зинька: треснул лёд, как стекло. Это ручьи — все, что набегали в реку, — как понатужились, нажали снизу — лёд и лопнул. Лопнул и распался на льдины, большие и малые.

Река пошла. Пошла и пошла, — и уж никому её не остановить. Закачались на ней льдины, поплыли, бегут, друг друга кружат, а тех, что сбоку, на берег выталкивают. Тут сейчас же и всякая водяная птица налетела, точно где-то здесь, рядом, за углом ждала: утки, чайки, кулики-долгоножки. И, глядь, Ледоломка вернулась, по берегу ножонками семенит, хвостом качает.

Все пищат, кричат, веселятся. Кто рыбку ловит, ныряет за ней в воду, кто носом в тину тыкает, ищет там что-то, кто мушек над берегом ловит.

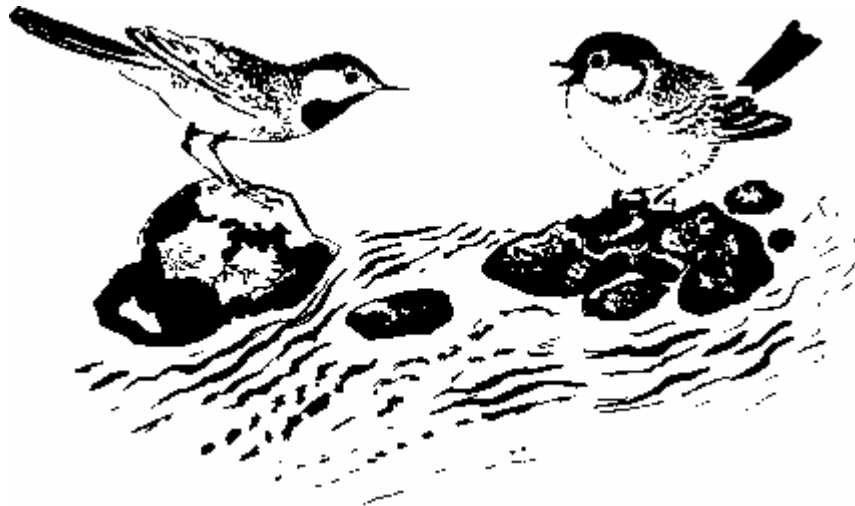
— Зинь-зинь-хо! Зинь-зинь-хо! Ледоход, ледоход! — запела Зинька.

И полетела рассказать Старому Воробью, что видела на реке.

И Старый Воробей сказал ей:

— Вот видишь: сперва весна приходит в поле, а потом на реку. Запомни: месяц, в который у нас реки освобождаются ото льда, называется апрель. А теперь лети-ка опять в лес: увидишь, что там будет.

И Зинька скорей полетела в лес.

Май

В лесу ещё было полно снега. Он спрятался под кустами и деревьями, и солнцу трудно было достать его там. В поле давно уже зеленела посеянная с осени рожь, а лес всё ещё стоял голый.

Но уж было в нём весело, не то что зимой. Налетело много разных птиц, и все они порхали между деревьями, прыгали по земле и пели — пели на ветвях, на макушках деревьев и в воздухе.

Солнце теперь вставало очень рано, ложилось поздно и так усердно светило всем на земле и так грело, что жить стало легко. Синичке больше не надо было заботиться о ночлеге: найдёт свободное дупло — хорошо, не найдёт — и так переночует где-нибудь на ветке или в чаще.

И вот раз вечерком ей показалось, будто лес в тумане. Лёгкий зеленоватый туман окутал все берёзы, осины, ольхи. А когда на следующий день над лесом поднялось солнце, на каждой берёзе, на всякой веточке показались точно маленькие зелёные пальчики: это стали распускаться листья.

Тут и начался лесной праздник.

Засвистал, защёлкал в кустах Соловей.

В каждой луже урчали и квакали лягушки.

Цвели деревья и ландыши. Майские жуки с гуденьем носились между ветвями. Бабочки порхали с цветка на цветок. Звонко куковала Кукушка.

Друг Зиньки — Дятел-Красношапочник — и тот не тужил, что не умеет петь: отыщет сучок посуше и так лихо барабанит по нему носом, что по всему лесу слышна звонкая барабанная дробь.

А дикие голуби поднимались высоко над лесом и проделывали в воздухе головокружительные фокусы и мёртвые петли. Каждый веселился на свой лад, кто как умел.

Зиньке всё было любопытно. Зинька всюду попевала и радовалась вместе со всеми.

По утрам на заре слышала Зинька чьи-то громогласные крики, будто в трубы кто-то трубил где-то за лесом.

Полетела она в ту сторону и вот видит: болото, мох да мох, и сосенки на нём растут. И ходят на болоте такие большие птицы, каких никогда ещё Зинька не видела, — прямо с баранов ростом, и шеи у них длинные-длинные.

Вдруг подняли они свои шеи-трубы да как затрубят, как загремят:

— Тррру-рру! Тррру-рру!

Совсем оглушили синичку.

Потом один растопырил крылья и пушистый свой хвост, поклонился до земли соседям да вдруг и пошёл в пляс: засеменял, засеменял ногами и пошёл по кругу, всё по кругу; то одну ногу выкинет, то другую, то поклонится, то подпрыгнет, то вприсядку пойдёт, — умора! А другие на него смотрят, собрались кругом, крыльями враз хлопают.

Не у кого было Зиньке спросить в лесу, что это за птицы-великаны, и полетела она в город к Старому Воробью.

И Старый Воробей сказал ей:

— Это журавли: птицы серьёзные, почтенные, а сейчас, видишь, что выделяются. Потому это, что пришёл весёлый месяц май, и лес оделся, и все цветы цветут, и все пташки поют. Солнце теперь всех обогрело и светлую всем радость дало.

Июнь

Решила Зинька:

«Полечу-ка я нынче по всем местам: и в лес, и в поле, и на реку... Всё осматрю».

Первым делом наведалься к старому другу своему — Дятлу-Красношапочнику. А он как увидел её издали, так и закричал:

— Кик! Кик! Прочь, прочь! Тут мои владения!

Очень удивилась Зинька. И крепко на Дятла обиделась: вот тебе и друг!

Вспомнила о полевых куропатках, серых, с шоколадной подковкой на груди. Прилетела к ним в поле, ищет куропаток, — нет их на старом месте! А ведь целая стая была. Куда все подевались?

Летала-летала по полю, искала-искала, насилу одного петушка нашла: сидит во ржи, — а рожь уж высокая, — кричит:

— Чир-вик! Чир-вик!

Зинька к нему. А он ей:

— Чир-вик! Чир-вик! Чичире! Пошла, пошла отсюда!

— Как так! — рассердилась Синичка. — Давно ли я всех вас от смерти спасла — из ледяной тюрьмы выпустила, а теперь ты меня и близко к себе не пускаешь?

— Чир-вир, — смутился куропачий петушок. — Правда, от смерти спасла. Мы это все помним. А всё-таки лети ты от меня подальше: теперь время другое, мне вот как драться хочется!

Хорошо, у птиц слёз нет, а то, наверно, заплакала бы Зинька: уж так ей обидно, так горько стало!

Повернулась молча, полетела на реку.

Летит над кустами, — вдруг из кустов серый зверь!

Зинька так и шарахнулась в сторону.

— Не узнала? — смеётся зверь. — Ведь мы с тобой старые друзья.

— А ты кто? — спрашивает Зинька.

— Заяц я. Беляк.

— Какой же ты беляк, когда ты серый? Я помню беляка: он весь белый, только на ушках чёрное.

— Это я зимой белый: чтобы на снегу меня видно не было. А летом я серый.

Ну и разговорились. Ничего, с ним не ссорились.

А потом Старый Воробей и объяснил Зиньке:

— Это месяц июнь — начало лета. У всех нас, у птиц, в это время — гнёзда, а в гнёздах — драгоценные яички и птенчики. К своим гнёздам мы никого не подпускаем — ни врага, ни друга: и друг может нечаянно разбить яичко. У зверей тоже детёныши, звери тоже никого к своей норе не подпустят. Один заяц без забот: растерял своих детишек по всему лесу и думать о них забыл. Да ведь зайчаткам мать-зайчиха нужна только в первые дни: попьют они материнское молочко несколько дней, а потом сами травку зубрят. Теперь, — прибавил Старый Воробей, — солнце в самой силе, и самый длинный у него трудовой день. Теперь на земле все найдут, чем набить своим малышам животики.

Июль

— С новогодней ёлки, — сказал Старый Воробей, — прошло уже шесть месяцев, ровно полгода. Запомни, что второе полугодие начинается в самый разгар лета. А пошёл теперь месяц июль. А это самый хороший месяц и для птенцов и для зверят, потому что кругом всего очень много: и солнечного света, и тепла, и разной вкусной еды.

— Спасибо, — сказала Зинька.

И полетела.

«Пора мне остепениться, — подумала она. — Дупел в лесу много. Займу, какое мне понравится свободное, и заживу в нём своим домком!»

Задумать-то задумала, да не так просто оказалось это сделать.

Все дупла в лесу заняты. Во всех гнёздах птенцы. У кого ещё крохотки, голенькие, у кого в пушку, а у кого и в перышках, да всё равно желторотые, целый день пищат, есть просят.

Родители хлопочут, взад-вперёд летают, ловят мух, комаров, ловят бабочек, собирают гусениц-червячков, а сами не едят: всё птенцам носят. И ничего: не жалуются, ещё и песни поют.

Скучно Зиньке одной.

«Дай, — думает, — я помогу кому-нибудь птенчиков покормить. Мне спасибо скажут».

Нашла на ели бабочку, схватила в клюв, ищет, кому бы дать.

Слышит — на дубу пищат маленькие щеглята, там их гнездо на ветке.

Зинька скорей туда — и сунула бабочку одному щеглёнку в разинутый рот.

Щеглёнок глотнул, а бабочка не лезет: велика больно.

Глупый птеник старается, давится — ничего не выходит.

И стал уж задыхаться. Зинька с испугу кричит, не знает, что делать.

Тут Щеглиха прилетела. Сейчас — раз! — ухватила бабочку, вытащила у щеглёнка из горла и прочь бросила. А Зиньке говорит:

— Марш отсюда! Ты чуть моего птенчика не погубила. Разве можно давать маленькому целую бабочку? Даже крылья ей не оторвала!

Зинька кинулась в чащу, там спряталась: и стыдно ей и обидно.

Потом много дней по лесу летала, — нет, никто её в компанию к себе не принимает!

А что ни день, то больше в лес приходит ребят. Все с корзиночками, весёлые; идут — песни поют, а потом разойдутся и ягоды собирают: и в рот и в корзиночки. Уже малина поспела.

Зинька всё около них вертится, с ветки на ветку перелетает, и веселей Синичке с ребятами, хоть она их языка не понимает, а они — её.

И случилось раз: одна маленькая девочка забралась в малинник, идёт тихонько, ягоды берёт.

А Зинька над нею по деревьям порхает.

И вдруг видит: большой страшный медведь в малиннике.

Девочка как раз к нему подходит, — его не видит.

И он её не видит: тоже ягоды собирает. Нагнёт лапой куст — и себе в рот.

«Вот сейчас, — думает Зинька, — наткнётся на него девочка, — страшилище это её и съест! Спаси, спаси её надо!»

И закричала с дерева по-своему, по-синичьему:

— Зинь-зинь-вень! Девочка, девочка! Тут медведь. Убегай!

Девочка и внимания на неё не обратила: ни слова не поняла.

А медведь-страшилище понял: разом поднялся на дыбы, оглядывается: где девочка?

«Ну, — решила Зинька, — пропала маленькая!»

А медведь увидел девочку, опустил на все четыре лапы — да как кинется от неё наутёк через кусты!

Вот удивилась Зинька:

«Хотела девочку от медведя спасти, а спасла медведя от девочки! Такое страшилище, а маленького человечка боится!»

С тех пор, встречая ребят в лесу, Синичка пела им звонкую песенку:

— *Зинь-зинь-ле! Зинь-зинь-ле!*
Кто пораньше встаёт,
Тот грибы себе берёт,
А сонливый да ленивый
Идут после за крапивой.

Эта маленькая девочка, от которой убежал медведь, всегда приходила в лес первая и уходила из лесу с полной корзинкой.

Август

— После июля, — сказал Старый Воробей, — идёт август. Третий и — заметь себе это — последний месяц лета.

— Август, — повторила Зинька.

И принялась думать, что ей в этом месяце делать.

Ну, да ведь она была Синичка, а синички долго на одном месте усидеть не могут. Им бы всё порхать да скакать, по веткам лазать то вверх, то вниз головой. Много так не надумаешь.

Пожила немножко в городе — скучно. И сама не заметила, как опять очутилась в лесу.

Очутилась в лесу и удивляется: что там со всеми птицами сделалось?

Только что все гнали её, близко к себе и к своим птенцам не подпускали, а теперь только и слышно: «Зинька, лети к нам!», «Зинька, сюда!», «Зинька, полетай с нами!», «Зинька, Зинька, Зинька!»

Смотрит — все гнёзда пустые, все дупла свободные, все птенцы выросли и летать научились. Дети и родители все вместе живут, так выводками и летают, а уж на месте никто не сидит, и гнёзда им больше не нужны. И гостье все рады: веселей в компании-то кочевать.

Зинька то к одним пристанет, то к другим; один день с хохлатыми синичками проведёт, другой — с гаичками-пухлячками. Беззаботно живёт: тепло, светло, еды сколько хочешь.

И вот удивилась Зинька, когда Белку встретила и разговорилась с ней.

Смотрит — Белка с дерева на землю спустилась и что-то ищет там в траве. Нашла гриб, схватила его в зубы — и марш с ним назад на дерево. Нашла там сучочек острый, ткнула на него гриб, а есть не ест его: поскакала дальше и опять на землю — грибы искать.

Зинька подлетела к ней и спрашивает:

— Что ты, Белочка, делаешь? Зачем не ешь грибы, а на сучки их накалываешь?

— Как зачем? — отвечает Белка. — Впрок собираю, сушу в запас. Зима придёт — пропадёшь без запаса.

Стала тут Зинька примечать: не только белки — многие зверюшки запасы себе собирают. Мышки полёвки, хомяки с поля зёрна за щеками таскают в свои норки, набивают там свои кладовочки.

Начала и Зинька кое-что припрятывать на чёрный день; найдёт вкусные семечки, поклюёт их, а что лишнее — сунет куда-нибудь в кору, в щёлочку.

Соловей это увидел и смеётся:

— Ты что же, Синичка, на всю долгую зиму хочешь запасы сделать? Этак тебе тоже нору копать впору.

Зинька смутилась.

— А ты как же, — спрашивает, — зимой думаешь?

— Фьють! — свистнул Соловей. — Придёт осень — я отсюда улечу. Далеко-далеко улечу, туда, где и зимой тепло и розы цветут. Там сытно, как здесь летом.

— Да ведь ты Соловей, — говорит Зинька, — тебе что: сегодня здесь спел, а завтра — там. А я Синичка. Я где родилась, там всю жизнь и проживу.

А про себя подумала: «Пора, пора мне о своём домке подумать! Вот уж и люди в поле вышли — убирают хлеб, увозят с поля. Кончается лето, кончается...

Сентябрь

— А теперь какой месяц будет? — спросила Зинька у Старого Воробья.

— Теперь будет сентябрь, — сказал Старый Воробей. — Первый месяц осени.

И правда: уже не так стало жечь солнце, дни стали заметно короче, ночи — длиннее, и всё чаще стали лить дожди.

Первым делом осень пришла в поле. Зинька видела, как день за днём люди свозили хлеб с поля в деревню, из деревни — в город. Скоро совсем опустело поле, и ветер гулял в нём на просторе. Потом раз вечером ветер улёгся, тучи разошлись с неба. Утром Зинька не узнала поля: всё оно было в серебре, и тонкие-тонкие серебряные ниточки плыли над ним по воздуху. Одна такая ниточка, с крошечным шариком на конце, опустилась на куст рядом с Зинькой. Шарик оказался паучком, и Синичка, недолго думая, клюнула его и проглотила. Очень вкусно! Только нос весь в паутине.

А серебряные нити-паутинки тихонько плыли над полем, опускались на жнитво, на кусты, на лес: молодые паучки рассеялись так по всей земле. Покинув свою летательную паутинку, паучки отыскивали себе щёлку в коре или норку в земле и прятались в неё до весны. В лесу уже начал желтеть, краснеть, буреть лист. Уже птичьи семьи-выводки собирались в стайки, стайки — в стаи. Кочевали всё шире по лесу: готовились в отлёт.

То и дело откуда-то неожиданно появлялись стаи совсем незнакомых Зиньке птиц — долгоносых пёстрых куликов, невиданных уток. Они останавливались на речке, на болотах; день покормятся, отдохнут, а ночью летят дальше — в ту сторону, где солнце бывает в полдень. Это пролетали с далёкого севера стаи болотных и водяных птиц.

Раз Зинька повстречала в кустах среди поля весёлую стайку таких же, как она сама, синиц: белощёкие, с жёлтой грудкой и длинным чёрным галстуком до самого хвостика. Стайка перелетела полем из леса в лесок.

Не успела Зинька познакомиться с ними, как из-под кустов с шумом и криком взлетел большой выводок полевых куропаток. Раздался короткий страшный гром — и Синичка, сидевшая рядом с Зинькой, не пискнув, свалилась на землю. А дальше две куропатки, перевернувшись в воздухе через голову, замертво ударились о землю. Зинька до того перепугалась, что осталась сидеть, где сидела, ни жива ни мертва.

Когда она пришла в себя, около неё никого не было — ни куропаток, ни синиц.

Подошёл бородатый человек с ружьём, поднял двух убитых куропаток и громко крикнул:

— Ау! Манюня!

С опушки леса ответил ему тоненький голосок, и скоро к бородатому подбежала маленькая девочка. Зинька узнала её: та самая, что напугала в малиннике медведя. Сейчас у неё была в руках полная корзина грибов.

Пробегаю мимо куста, она увидела на земле упавшую с ветки Синичку, остановилась, наклонилась, взяла её в руки. Зинька сидела в кусту не шевелясь.

Девочка что-то сказала отцу, отец дал ей фляжку, и Манюня sprysнула из неё водой Синичку. Синичка открыла глаза, вдруг вспорхнула — и забилась в куст рядом с Зинькой. Манюня весело засмеялась и вприпрыжку побежала за уходящим отцом.

Октябрь

— Скорей, скорей! — торопила Зинька Старого Воробья. — Скажи мне, какой наступает месяц, и я полечу назад в лес: там у меня больной товарищ.

И она рассказала Старому Воробью, как бородатый охотник сшиб с ветки сидевшую рядом с ней Синичку, а девочка Манюня sprysнула водой и оживила её.

Узнав, что новый месяц, второй месяц осени, называется октябрь, Зинька живо вернулась в лес.

Её товарища звали Зинзивер. После удара дробинкой крылышки и лапки ещё плохо повиновались ему. Он с трудом долетел до опушки. Тут Зинька отыскала ему хорошенькое дуплишко и стала таскать туда для него червячков-гусениц, как для маленького. А он был совсем не маленький: ему было уже два года, и, значит, он был на целый год старше Зиньки.

Через несколько дней он совсем поправился. Стайка, с которой он летал, куда-то исчезла, и Зинзивер остался жить с Зинькой. Они очень подружились.

А осень пришла уже и в лес. Сперва, когда все листья раскрасились в яркие цвета, он был очень красив. Потом подули сердитые ветры. Они сдирали жёлтые, красные, бурые листья с веток, носили их по воздуху и швыряли на землю.

Скоро лес поредел, ветки обнажились, а земля под ними покрылась разноцветными листьями.

Пролетели с далёкого севера, из тундр, последние стаи болотных птиц.

Теперь каждый день прибывали новые гости из северных лесов: там уже начиналась зима.

Не всё и в октябре дули сердитые ветры, не всё лили дожди: выдавались и погожие, сухие и ясные дни. Нежаркое солнышко светило приветливо, прощаясь с засыпающим лесом. Потемневшие на земле листья тогда высыхали, становились жёсткими и хрупкими. Ещё кое-где из-под них выглядывали грибы — грузди, маслята.

Но хорошую девочку Манюню Зинька и Зинзивер больше уже не встречали в лесу.

Синички любили спускаться на землю, прыгать по листьям — искать улиток на грибах.

Раз они подскочили так к маленькому грибу, который рос между корнями белого берёзового пня.

Вдруг по другую сторону пня выскочил серый, с белыми пятнами зверь.

Зинька пустилась было наутёк, а Зинзивер рассердился и крикнул:

— Пинь-пинь-черр! Ты кто такой?

Он был очень храбрый и улетал от врага, только когда враг на него кидался.

— Фу! — сказал серый пятнистый зверь, кося глазами и весь дрожа. — Как вы с Зинькой меня напугали! Нельзя же так топтать по сухим, хрустким листьям! Я думал, что Лиса бежит или Волк. Я же Заяц, беляк я.

— Неправда! — крикнула ему с дерева Зинька. — Беляк летом серый, зимой белый, я знаю. А ты какой-то полубелый.

— Так ведь сейчас ни лето, ни зима. И я ни серый, ни белый. — И заяц захныкал: — Вот сижу у берёзового пенька, дрожу, шевельнуться боюсь: снегу ещё нет, а у меня уж клочья белой шерсти лезут. Земля чёрная. Побегу по ней днём — сейчас меня все увидят. И так ужасно хрустят сухие листья! Как тихонько ни крадись, прямо гром из-под ног.

— Видишь, какой он трус, — сказал Зинзивер Зиньке. — А ты его испугалась. Он нам не враг.

Ноябрь

Враг — и страшный враг — появился в лесу в следующем месяце. Старый Воробей назвал этот месяц ноябрём и сказал, что это третий, и последний, месяц осени.

Враг был очень страшный, потому что он был невидимка. В лесу стали пропадать и маленькие птички и большие, и мыши, и зайцы. Только зазевается зверёк, только отстанет от стаи птица — всё равно, ночью, днём ли, — глядь, их уж и в живых нет.

Никто не знал, кто этот таинственный разбойник: зверь ли, птица или человек? Но все боялись его, и у всех лесных зверей и птиц только и было разговору, что о нём. Все ждали первого снега, чтобы по следам около растерзанной жертвы опознать убийцу.

Первый снег выпал однажды вечером. А на утро следующего дня в лесу не досчитались одного Зайчонка.

Нашли его лапку. Тут же, на подтаявшем уже снегу, были следы больших, страшных когтей. Это могли быть когти зверя, могли быть когти и крупной хищной птицы. А больше ничего не оставил убийца: ни пера, ни шерстинки своей.

— Я боюсь, — сказала Зинька Зинзиверу. — Ох, как я боюсь! Давай улетим скорей из лесу, от этого ужасного разбойника-невидимки.

Они полетели на реку. Там были старые дуплистые ивы-ракиты, где они могли найти себе приют.

— Знаешь, — говорила Зинька, — тут место открытое. Если и сюда придёт страшный разбойник, он тут не может подкрасться так незаметно, как в тёмном лесу. Мы его увидим издали и спрячемся от него.

И они поселились за речкой.

Осень пришла уже и на реку. Ивы-ракиты облетели, трава побурела и поникла. Снег выпадал и таял. Речка ещё бежала, но по утрам на ней был ледок. И с каждым морозцем он рос. Не было по берегам и куликов. Оставались ещё только утки. Они кричали, что останутся тут на всю зиму, если река вся не покроется льдом. А снег падал и падал — и больше уж не таял.

Только было синички зажили спокойно, вдруг опять тревога: ночью неизвестно куда исчезла утка, спавшая на том берегу — на краю своей стаи.

— Это он, — говорила, дрожа, Зинька. — Это невидимка. Он всюду: и в лесу, и в поле, и здесь, на реке.

— Невидимок не бывает, — говорил Зинзивер. — Я выслежу его, вот постой!

И он целыми днями вертелся среди голых веток на верхушках старых ив-ракит: высматривал с вышки таинственного врага. Но так ничего и не заметил подозрительного.

И вот вдруг — в последний день месяца — стала река. Лёд разом покрыл её и больше уж не растаял.

Утки улетели ещё ночью.

Тут Зиньке удалось наконец уговорить Зинзивера покинуть речку: ведь теперь враг мог легко перейти к ним по льду. И всё равно Зиньке надо было в город: узнать у Старого Воробья, как называется новый месяц.

Декабрь

Полетели синички в город.

И никто, даже Старый Воробей, не мог им объяснить, кто этот невидимый страшный разбойник, от которого нет спасенья ни днём, ни ночью, ни большим, ни маленьким.

— Но успокойтесь, — сказал Старый Воробей. — Здесь, в городе, никакой невидимка нестрашен: если даже он посмеет явиться сюда, люди сейчас же застрелят его. Оставайтесь жить с нами в городе. Вот уже начался месяц декабрь — хвостик года. Пришла зима. И в поле, и на речке, и в лесу теперь голодно и страшно. А у людей всегда найдётся для нас, малых птишек, и приют и еда.

Конечно, Зинька с радостью согласилась поселиться в городе и уговорила Зинзивера. Сперва он, правда, не соглашался, хорохорился, кричал:

— Пинь-пинь-черр! Никого не боюсь! Разыщу невидимку!

Но Зинька ему сказала:

— Не в этом дело, а вот в чём: скоро будет Новый год. Солнышко опять начнёт выглядывать, все будут радоваться ему. А спеть ему первую весеннюю песенку тут, в городе, никто не сможет: воробьи умеют только чирикать, вороны только каркают, а галки — галдят. В прошлом году первую весеннюю песенку солнцу спела тут я. А теперь её должен спеть ты.

Зинзивер как крикнет:

— Пинь-пинь-черр! Ты права. Это я могу. Голос у меня сильный, звонкий — на весь город хватит. Остаёмся тут!

Стали они искать себе помещение. Но это оказалось очень трудно. В городе не то, что в лесу: тут и зимой все дупла, скворечни, гнёзда, даже щели за окнами и под крышами заняты. В том воробьином гнёздышке за оконницей, где встретила ёлку Зинька и в прошлом году, теперь жило целое семейство молодых воробьёв.

Но и тут Зиньке помог Старый Воробей. Он сказал ей:

— Слетайте-ка вон в тот домик, — вон — с красной крышей и садиком. Там я видел девочку, которая всё что-то ковыряла долотом в полене. Уж не готовит ли она вам — синичкам — хорошенькую дуплянку?

Зинька и Зинзивер сейчас же полетели к домику с красной крышей. И кого же они первым делом увидели в саду, на дереве? Того страшного бородатого охотника, который чуть насмерть не застрелил Зинзивера.

Охотник одной рукой прижимал дуплянку к дереву, а в другой держал молоток и гвозди. Он наклонился вниз и крикнул:

— Так, что ли?

И снизу, с земли, ему ответила тоненьким голоском Манюня:

— Так, хорошо!

И бородатый охотник большими гвоздями крепко прибил дуплянку к стволу, а потом слез с дерева.

Зинька и Зинзивер сейчас же заглянули в дуплянку и решили, что лучшей квартиры они никогда и не видели. Манюня выдолбила в полене уютное глубокое дуплишко и даже положила в него мягкого, тёплого пера, пуха и шерсти.

Месяц пролетел незаметно, никто не беспокоил тут синичек, а Манюня каждое утро приносила им еду на столик, нарочно приделанный к ветке.

А под самый Новый год случилось ещё одно — последнее в этом году — важное событие: Манюнин отец, который иногда уезжал за город на охоту, привёз невиданную птицу, посмотреть на которую сбежались все соседи.

Это была большущая белоснежная сова, — до того белоснежная, что, когда охотник бросил её на снег, сову только с большим трудом можно было разглядеть.

— Это злая зимняя гостья у нас, — объяснял отец Манюне и соседям, — полярная сова. Она одинаково хорошо видит и днём и ночью, и от её когтей нет спасенья ни мыши, ни куропатке, ни зайцу на земле, ни белке на дереве. Летает она совсем бесшумно, а как её трудно заметить, когда кругом снег, — сами видите.

Конечно, ни Зинька, ни Зинзивер ни слова не поняли из объяснения бородатого охотника. Но оба они отлично поняли, кого убил охотник. И Зинзивер так громко крикнул «Пинь-пинь-черр! Невидимка!» — что сейчас же со всех крыш и дворов слетелись все городские воробьи, вороны, галки — посмотреть на чудовище.

А вечером у Манюни была ёлка, дети кричали и топали, но синички нисколько на них за это не сердились. Теперь они знали, что с ёлкой, украшенной огнями, снегом и игрушками, приходит Новый год, а с Новым годом возвращается к нам солнце и приносит много новых радостей.